

«Как бы то ни было, искусство рифмы в книжной русской поэзии восходит, как известно, не к этим явлениям эмбриональной рифмы в древнерусской прозе, а также — не к аналогичным элементам народного песенного стиха, но к стороннему воздействию уже сложившегося в юго-западной Руси искусства силлабических виршей, возникшего, в свою очередь, под польским влиянием».⁴⁰ Таким образом, констатируя это интересное явление, В. Н. Перетц и В. М. Жирмунский в то же время уверены, что здесь мы имеем дело с прозой, а не стихом.

Напротив, Л. И. Тимофеев, не отрицая, разумеется, факта и действительности украинского и польского влияний, видит в этих явлениях «первоначальные формы стиха»: «Мы ... говорим уже об эмбриональной форме стиха в целом, а не только об эмбриональной рифме ... В процессе развития чрезвычайно свободной вначале ритмической структуры, довольствующейся, так сказать, минимумом симметричности в расположении повторяющихся элементов речи ... постепенно начинают накапливаться дополнительные признаки, усиливающие сходство строк. Появляется звуковой повтор, скрепляющий окончания и подчеркивающий конечную паузу как ритмическую константу, возникают в длинных строках внутренние паузы цезурного типа, относительно выравнивается число слогов, создаются развернутые периоды, включающие по несколько строк (зародыш строфы) и т. д.».⁴¹ «Процесс формирования русского речевого стиха тесно связан с процессом формирования рифмы — первоначально в прозаическом тексте — и постепенной концентрации около рифмы других речевых элементов, усиливающих соизмеримость ритмических единиц».⁴²

Эта концепция в том категорическом виде, в каком находим ее у Л. И. Тимофеева, вызывает некоторые сомнения. В основе ее лежит мысль о том, что «речевой стих», не связанный с напевом, возникает лишь на определенном, довольно позднем этапе развития общества, возникает в связи с потребностями «реализовать переживания обособленной и развитой личности, претендующей на полное и резко индивидуальное раскрытие своего внутреннего мира».⁴³ Л. И. Тимофеев, оговаривая «некоторые незначительные исключения», справедливо пишет, что в течение долгого времени господствующей и в сущности единственной стихотворной системой в России являлось народное «музыкально-речевое стихосложение», основным признаком которого — единство слова и напева. Однако его социологическая интерпретация этого факта нуждается, по-видимому, в коррективах. «Музыкально-речевое построение, — говорит он, — отвечает ... общественному укладу, предшествующему развитым капиталистическим отношениям ... Постепенное развитие этих отношений, влекущее за собой рост личности, развитие письменности и т. д., необходимо ведет за собой и осложнение стихотворной культуры»,⁴⁴ т. е. приводит к смене синкретической поэзии декламационной.

Обособленная от мелодии поэзия не есть продукт капиталистической эпохи, даже если иметь в виду не развитые, а лишь зарождающиеся капиталистические отношения. Это доказывает множество историко-литературных фактов, их можно извлечь, например, из средневековых европейских литератур, не говоря уже об античности с ее многообразной поэзией. Когда неизвестный чешский поэт рубежа XIII—XIV вв. создавал свою

⁴⁰ В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Пгр., 1923, стр. 259.

⁴¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 221—222.

⁴² Там же, стр. 187.

⁴³ Там же, стр. 185.

⁴⁴ Там же, стр. 187.